

«Мне суждено погибнуть от руки судьбы».

Восьмилетним ребенком Сабору Годзё познал истинную суть вещей, а вместе с ней — и этот беспощадный закон.

Наследственная техника клана Годзё, «Шесть глаз», передавалась из поколения в поколение. Однако лишь единицы знали — а если точнее, знали лишь редкие воплощения самого Сабору Годзё, — что каждого нового обладателя этих глаз связывали с прошлыми хозяевами узы перерождения.

Оказавшись на волосок от гибели, они либо обретали тайное знание, либо преодолевали собственные пределы, выходя на новый уровень могущества. В тот роковой восьмой год жизни на Сатору совершили покушение. Балансируя на грани небытия, мальчик соприкоснулся с вечностью и узрел истину.

«Я рожден лишь ради предначертанного рока и неизбежной кончины».

Каждый из них оставался всего лишь пешкой на невидимой шахматной доске мироздания, покорно шагающей вперед или падающей навзничь по воле капризного рока.

И фигура по имени Сабору Годзё была одной из ключевых, намертво прибитых к этой доске. Раз в столетие Шесть глаз неизменно являлись миру. Даже если младенца, наделенного этим даром, убивали в колыбели, в час нужды сила рождалась вновь, чтобы удержать колеблющееся равновесие вселенной.

Но был ли каждый такой Сабору Годзё — со своими уникальными воспоминаниями, привязанностями и чертами характера — действительно тем же самым человеком?

Подобное откровение ложилось непосильным, удушающим бременем на плечи восьмилетнего ребенка. Пусть даже этого ребенка звали Сабору Годзё. Впрочем, именно из-за своей сути он и был обречен нести это знание.

Ему не повезло родиться в эпоху, далекую от того благодатного будущего, что ждало его через тысячу лет, — времени с мягкими нравами, обилием знаний, верными друзьями, надежными соратниками и благодарными учениками. Здесь и сейчас у Сатору не существовало за душой ничего, кроме абсолютной, пугающей мощи. И единственной живой душой, которой он мог хоть немного доверять, оставался лишь его верный Идзити.

Из-за этого он без лишних терзаний предпочел плыть по течению.

Попадались на пути проклятые духи — он безжалостно их уничтожал; нарывался кто-то на неприятности — обламывал рога. Но на этом всё и заканчивалось. Ему не было дела ни до судеб вселенной, ни до жизней тех, кто его окружал.

Пожалуй, единственным исключением был преданный Идзити — Сатору изредка оберегал его от смертельной опасности. Но даже если бы тот однажды погиб, Годзё лишь хладнокровно покарал бы убийцу, так и не испытав настоящей скорби.

Он пребывал в гордом, ледяном одиночестве на самой вершине мира, созерцая сверху вниз, как смертные покорно разыгрывают свои партии на предначертанном поле, и терпеливо ждал часа, когда рок явится прикончить и его самого.

И этот час пробил.

В тот день посреди глухой лесной чащи перед ним предстал странник в изорванных лохмотьях, с растрепанной гривой черных волос. Но когда этот человек поднял голову, его глубокие, серебристо-белые глаза заставили самую душу Сатору затрепетать от неведомого доселе трепета.

В отличие от ледяной, пронзительной синевы глаз Сатору, напоминавших бескрайнее зимнее небо, взгляд А-Эра таил в себе бездонное серебро. В нем странно переплетались великое сострадание и пугающее, мертвенное равнодушие — две несовместимые стихии, которые вели вечную борьбу и одновременно дополняли друг друга.

Едва их взгляды встретились, как сердце Сатору бешено заколотилось, а тело инстинктивно подобралось, словно перед броском. Что это было — внезапно вспыхнувшее чувство или леденящее дыхание близкой кончины? Он не знал ответа и поныне. Возможно, потому, что любовь и смерть всегда неразрывно следовали друг за другом.

Одно оставалось несомненным: тяжелые шестерни рока сдвинулись с места, и остановить их ход теперь не под силу никому.

«Этот человек убьет меня».

Укрепившись в этой мысли, Сатору подошел к А-Эру и, мягко улыбнувшись, предложил:

— Не хочешь пойти со мной и разделить мою жизнь?

Он хладнокровно распахнул объятия навстречу собственной гибели.

Для А-Эра же Сатору Годзё виделся едва ли не святым.

Пусть в глазах большинства Годзё вел себя непозволительно нагло и взбалмошно, А-Эр подмечал иное: этот человек, наделенный безграничным могуществом, никогда не обращался к нему ради наживы или угнетения слабых. Напротив, он круглые сутки без устали очищал землю от скверны проклятий.

За одно лишь это А-Эр преисполнился к нему искреннего почтения.

И вот теперь этот самый праведник невозмутимо произнес:

— Я знаю, что ты и твой брат — полукровки, застрявшие на полпути между людьми и проклятыми духами.

А-Эр едва успел переварить ошеломляющее открытие.

«Твою же мать... Я что, действительно не человек? Чертова система, ну и удружила!»

С трудом сдерживая холодный пот, он выдавил из себя вопрос:

— И даже зная это, ты все равно привел нас в свой дом?

— Именно так, — последовал лаконичный ответ.

— Значит, то, что я до сих пор дышу, тоже связано с моей истинной природой?

— Да. Судя по всему, ты — сущность, рожденная из самой концепции жизни. Твоя голова — вовсе не жизненно важное ядро, поэтому ее отсечение для тебя несмертельно.

— Вот оно как...

А-Эр невольно задался вопросом, в какие края удрали те несчастные разбойники, что в диком ужасе разбежались во все стороны, когда их жертва с наполовину снесенным черепом преспокойно продолжила стоять на ногах.

Попробовав направить проклятую силу так, как советовал Сатору, А-Эр с изумлением обнаружил, что раны затянулись, восстанавливая искалеченную плоть до последнего лоскутка кожи.

С тех пор как они обосновались в поместье Годзё, Сатору открыл ему множество тайн, и А-Эр без тени притворства мог величать его наставником. И все же он никак не ожидал, что дело дойдет до столь глубоких познаний в анатомии нелюдей.

Осознавая, что глубина знаний Годзё простирается далеко за грани его собственного воображения, А-Эр решил вернуться к теме, которую они так и не обсудили в прошлый раз:

— Скажи, почему в последнее время повсюду плодится такое немыслимое количество проклятых тварей?

— Всеми виной само существование А-Си. Ее уникальная техника и врожденный гений к возведению барьеров — явление поистине уникальное, встречающееся дай бог раз в тысячелетие.

— А-Си?

— В поднебесной всё стремится к равновесию инь и ян, и баланс сил между магами и проклятыми духами подчиняется тому же незыблемому закону. Стоит лишь родиться исключительно, непревзойденному чародею, как мир тотчас откликается, порождая плеяду сильных магов, но вместе с тем из Бездны лезут и бесчисленные проклятия особого ранга.

— И как же вернуть миру прежний покой?

— Проще некуда — нужно лишь, чтобы А-Си исчезла с лица земли. Хотя даже после этого вселенной понадобится не одно десятилетие, чтобы окончательно залечить раны и прийти в нормальное состояние.

А-Эр промолчал.

Несколько дней назад, вернувшись с очередной охоты на проклятий, А-Эр спустил накопленные очки на лотерейный призыв. Удача улыбнулась ему странным образом: в руки попал уникальный артефакт — Разрушитель правил (модифицированная версия), способная в один миг сводить на нет действие любой чужой техники.

Вот только имелся один досадный нюанс: чтобы активировать кинжал, требовалось вонзить его непосредственно в область сердца жертвы. Для А-Эра, чьей слабой стороной всегда оставался ближний бой, подобное оружие казалось бесполезным хламом.

Однако теперь мозаика сложилась. Он наконец осознал, для чего судьба всучила ему этот бесполезный клинок.

А-Си безгранично доверяла ему, да и в рукопашной смыслила еще меньше, чем он сам. Ему не составило бы никакого труда подойти к ней вплотную, ласково обнять, а затем одним точным ударом Разрушителя правил аннулировать ее проклятую способность к бессмертию. Оборвать ее затянувшееся земное существование раз и навсегда.

Несомненно, это и был предначертанный рок.

Сама судьба вела его за руку в эти края, чтобы столкнуть лицом к лицу с А-Си и заставить принести ее в жертву.

А-Си... хрупкая, несчастная сирота, отчаянно нуждающаяся в защите. Ему нужно всего лишь вонзить нож в ее грудь...

— Ты уже принял решение?

Ледяной голос Сатору подобно грому среди ясного неба разорвал паутину этих мыслей. А-Эр вздрогнул, мгновенно очнувшись от охватившего его безумия. В разуме вспыхнул образ Харуки из тех времен, когда он носил имя Кадзумы Арааки. Его прошиб холодный пот: как он вообще посмел допустить столь чудовищную мысль?

В голове раздался давно молчавший голос Системы:

* «Не удивляйся. Твоя нынешняя оболочка обладает запредельным, граничащим с безумием уровнем фанатичной веры в собственные идеалы».*

Искры холодного электронного голоса напомнили о себе впервые за долгое время — он уже почти успел позабыть о невидимом спутнике.

Но в ее словах таилась жестокая правда. А-Эр настолько идеально слился со своим нынешним телом, что его обостренное чувство долга и морали раздулось до пугающих величин, подчиняя себе разум незаметно для него самого.

И даже сейчас, когда разум отчетливо кричал о недопустимости убийства невинной девушки, сердце предательски вздрагивало от искушения покончить со всеми бедами одним ударом.

А-Эр некоторое время молча разглядывал свои ладони. Он слишком хорошо понимал Сатору: раз тот завел разговор об А-Си лишь в ответ на прямой вопрос, значит, судьба несчастной девчонки его ни капли не волновала. Какую бы сторону ни принял его названный ученик, Годзё останется равнодушен ко всему, разве что протянет руку помощи по старой дружбе, если запахнет жареным.

— Позволь мне хорошенько все обдумать, — тихо выговорил А-Эр.

За последующие недели они с А-Си, словно по чьей-то невидимой воле, так ни разу и не пересеклись — дела навалились на обоих нескончаемым потоком. Зато откуда ни возьмись повадился заявляться Наоя Дзэнъин. При каждом удобном случае этот высокомерный юнец принимался сыпать ядовитыми шпильками и колкостями, но стоило А-Эру парой фраз осадить наглеца, как тот, побагровев от ярости, убирался восвояси. И лишь для того, чтобы спустя пару дней прийти снова. В конце концов А-Эр начал всерьез сомневаться в психическом здоровье гостя, подозревая у него скрытую страсть к моральному мазохизму.

Отношение окружающих в поместье тоже претерпело странные изменения. Если раньше на него косились с опаской и благоговейным ужасом, точно на демона-искусителя, способного погубить весь их род, то теперь во взглядах слуг и магов читалось лишь искреннее благоговение. Нашлись даже смельчаки, которые втихомолку выпытывали у А-Эра секреты искусного манипулирования чужими чувствами.

А-Эр лишь недоуменно разводил руками.

В то же время над Сабору Годзё начали сгущаться грозовые тучи — он ходил мрачнее тучи и упрямо требовал, чтобы отныне на все задания они отправлялись исключительно вместе.

Но работы было слишком много, а разбрасываться столь ценными боевыми единицами старейшины не собирались, так что долго эта прихоть не продлилась. Годзё пришлось подчиниться обстоятельствам, и он отбыл на очередную миссию в прескверном расположении духа, на прощание строго-настрого наказав А-Эру держаться как можно дальше от назойливого выскочки из клана Дзэнъин.

А-Эр лишь недоуменно качал головой вслед своему наставнику.

Прошло еще два месяца, прежде чем судьба наконец свела его лицом к лицу с А-Си.

Девочка успела изрядно вытянуться за то время, что они не виделись. Разумеется, она осталась все такой же егозой: черные волосы вечно растрепаны, повадки диковатые, словно у лесной мартышки, — но глаза горели живым блеском, а на щеках играл здоровый румянец человека, нашедшего свое истинное призвание.

Перекинувшись парой дежурных фраз и обсудив последние сплетни, А-Эр без лишних предисловий перешел к главному:

— Скажи... когда ты впервые осознала, что не можешь умереть?

Девочка растерянно моргнула, застигнутая вопросом врасплох.

Еще в те времена, когда они делили кров под сенью лесных крон, А-Си обмолвилась, что когда-то у нее была сестра-близнец. Увы, малышка не вынесла тягот их спешного бегства и сгорела от лихорадки. Перед самой смертью она умоляла сестру во что бы то ни стало цепляться за жизнь, даже если той суждено остаться в полном одиночестве.

А-Си тогда горько обронила, что, должно быть, именно это предсмертное благословение — а скорее, проклятие — и сделало ее неуязвимой для смерти. Обида и зависть уходящей девочки навеки приковали оставшуюся к земному бытию.

«Но как именно она узнала о своем жутком даре?»

На губах А-Си проступила болезненная, вымученная усмешка.

— Как раз в тот самый день, когда ее не стало, — тихо проговорила она. — Я ведь тоже тогда решила умереть...

А-Эр молчал, не перебивая.

— Мы же были близнецами, разделившими одну утробу. Появились на свет в один час, а значит, и уйти за грань должны были рука об руку, — едва слышно прошептала она, уставившись в пустоту.

Перед глазами девочки вновь вспыхнуло бледное, истерзанное болезнью личико сестры. Она была еще совсем ребенком! Она заслуживала дышать, радоваться солнцу... Так почему же пощада досталась именно А-Си? Почему проклятая техника вечной жизни выбрала ее, а не невинную душу сестры? За какие такие грехи?

Неужели их появление на свет было лишь нелепой шуткой богов, пожелавших вволю натешиться их муками?

Эти горькие слова эхом отозвались в сердце А-Эра, всколыхнув пепел его собственного прошлого. Он вспомнил Землю периода угасания человечества и свою прошлую жизнь, проведенную в тесных застенках лаборатории в роли бесправного подопытного образца.

Неужели и его судьба с самого первого вздоха была соткана исключительно из боли и унижений?

И все же, положив руку на сердце, он не мог назвать те недолгие годы беспросветным мраком. Даже среди серых, удушливых будней за решеткой порой проглядывали теплые, золотистые лучи.

Особо ценных детей-мутантов в ранние годы содержали в одном общем секторе. В их игровой комнате пылилось несколько потрепанных сборников сказок. Именно перелистывая те пожелтевшие страницы, маленький А-Эр впервые узнал о существовании благородных защитников и коварных злодеев. И там же судьба свела его с мальчиком, обладавшим редким даром призывать очищающее пламя — настоящим «главным героем», сошедшим со страниц тех самых книг.

Он повелевал яростной стихией огня, но сам отличался на редкость мягким, солнечным нравом, оберегал остальных малышей как старший брат и частенько жертвовал собой ради чужого блага. В глазах А-Эра он был живым воплощением сказочного рыцаря. Недолго думая, А-Эр так и прозвал его — Героем, а за ним эту привычку переняли и остальные ребята. Из-за этого бедный парень вечно заливался краской густого смущения и застывал на месте, не зная, куда девать глаза.

Тогда они, беззаботные и наивные, еще ничего не знали о беспощадности внешнего мира и свято верили: какие бы испытания ни выпали на их долю, сказка обязательно завершится счастливым финалом.

Иллюзии рухнули, когда на лабораторию совершили налет и большую часть подопытных

вывезли на свободу. А-Эра же, как самый ценный и опасный экземпляр, перевели в сверхсекретный подземный бункер под тройную охрану. Ни один спаситель не смог бы до него добраться.

Спустя десять мучительных лет его запредельная сила окончательно сорвалась с поводка. В одно мгновение А-Эр обратил в пепел всех своих мучителей, а затем, обезумев от ярости, накрыл своей способностью всю Землю, заставив каждого жителя Земли сполна вкушать ту невыносимую муку, в которой он варился долгие годы.

Навстречу ему, сквозь хаос и разрушение, явился его Герой.

В глазах юноши стояли слезы, лицо искажала невыносимая мука. Он до последней секунды отчаянно пытался спасти А-Эра, достучаться до его истерзанного разума, но в итоге был вынужден собственными руками направить очищающее пламя в грудь названного брата, чтобы подарить ему долгожданный покой.

Очнувшись в новом мире и обнаружив, что его старший брат А-И — не кто иной, как переродившийся Герой из его прошлой жизни, А-Эр едва не разрыдался от счастья. Да и остальные его новообетенные братья и сестры при ближайшем рассмотрении оказались душами тех самых замученных детей из его лаборатории.

Вот только это знание было даровано ему одному — остальные не сохранили о былых кошмарах ни единой крупички воспоминаний.

Впрочем, так было даже лучше. А-Эр охотно согласился нести это грязное, кровавое бремя в одиночку, лишь бы его близкие больше никогда не сталкивались с былыми ужасами.

Ему, человеку с непритязательной душой, хватало и малого — просто видеть их живые, улыбающиеся лица каждый день. Он не желал да и не имел права требовать от судьбы большего. В конце концов, глупо рассуждать о высоком предназначении с тем, кто всю жизнь провел впроголодь и корчился от боли на сыром полу.

Он искренне надеялся, что со временем старые раны затянутся, память потускнеет, и он сможет начать все с чистого листа, став обычным парнем по имени А-Эр.

Но стоило ему однажды случайно увидеть на сияющем уличном экране изображение одинокой голубой планеты, медленно вращающейся в бездне черного космоса, как слезы сами собой хлынули из глаз. Бурный поток нахлынувших чувств сорвал хлипкие запруды, обнажив острые, незаживающие рифы его истерзанной души.

Его с головой накрыло волной такого беспредельного, удушающего одиночества, что перехватило дыхание. Все людские страсти, любовь и ненависть казались жалкими пылинками на фоне безразличной вселенной. Ведь даже его родной дом — Земля — стерся из бытия в мгновение ока, не оставив после себя и следа.

И пускай та прошлая жизнь принесла ему лишь боль и оцепенение, Земля оставалась его единственной колыбелью. Местом, куда он уже никогда, ни при каких обстоятельствах не сможет вернуться.

Все последние месяцы он опекал А-Си, заменяя ей одновременно и строгого отца, и заботливую мать, и верного брата. Он терпеливо выслушивал ее страхи, давал советы, направлял... Но сейчас, перед лицом ее экзистенциального отчаяния, он сам оказался бессилен.

Не найдя подходящих слов, А-Эр просто сделал шаг вперед, крепко прижал дрожащую девочку к своей груди и уткнулся подбородком в ее макушку.

— Прости меня... — тихо, с надрывом выдохнул он. — Мне так жаль, А-Си...

«Этот мир полон беспросветного страдания. И все же... я так хочу, чтобы вы обрели свое счастье».

Девочка отстранилась и непонимающе посмотрела на него снизу вверх.

— Зачем ты просишь прощения? — пробормотала она, шмыгнув носом. — Разве ты повинен в том, что со мной стряслось? Наоборот, ты единственный, кто протянул мне руку помощи.

Она тяжело вздохнула и после недолгого колебания тихо добавила:

— Но знаешь... порой я тебя искренне ненавижу.

Сердце А-Эра пропустило удар. На миг ему показалось, что она каким-то образом прочитала его недавние черные помыслы и узнала о желании вонзить ей нож в грудь. Однако А-Си лишь горько усмехнулась:

— Зачем ты вообще появился в моей жизни? Зачем пришел именно тогда, когда я окончательно опустила руки и смирилась с неизбежным?.. Прости. Глупо это, не обращай внимания.

А-Эр мягко погладил ее по плечу.

— Тебе не за что извиняться. Ты просто несла непосильную ношу слишком долго.

А-Си шмыгнула носом, вытерла кулаком невольные слезы и поспешно сменила тему:

— Послушай, может, это и не мое дело, но... держись-ка ты лучше подальше от Сабору Годзё и

Наоя Дзэнъина.

Она на секунду задумалась, потирая виски, словно от головной боли, и со вздохом добавила:

— Ах да, и от Кэндзяку тоже держись стороной. Впрочем, ты ведь все равно меня не слушаешь, так?

А-Эр лишь удивленно приподнял брови. А-Си обреченно покачала головой:

— Ну вот опять этот непонимающий взгляд! Пойми, я, как носительница древнего бессмертия, кожей чувствую такие вещи. Эти трое... они из тех безумцев, чья привязанность способна породить самое страшное, нерушимое проклятие.

— С чего бы им проклинать меня? — растерялся А-Эр еще больше. — Ладно Наоя, от него вечно веет злобой, но Сатору... Сатору ведь мой близкий друг.

А-Си лишь закатила глаза, издав пренебрежительный смешок:

— Иногда я прямо не знаю, чего в тебе больше — вопиющей эмоциональной слепоты или скрытой гордыни. Наверное, именно эта твоя блаженная простота и притягивает к тебе подобные темные страсти, точно магнит железные опилки.

— И... Кэндзяку тоже относится к ним? — с некоторой задержкой поинтересовался А-Эр.

— Да, — отрезала А-Си. — И пускай мы с ним ладим, но... Ай, ладно, сами распутывайте свои узлы, не мне в это лезть. Просто заруби себе на носу: любовь и ненависть — грани одного клинка. Никогда не недооценивай изнанку человеческой души, иначе в один прекрасный день обнаружишь в своей спине чужой нож.

А-Эр невольно улыбнулся, глядя на нее с легким умилением.

— Как непривычно выслушивать от тебя наставления. А ведь совсем недавно именно я учил тебя уму-разуму.

А-Си возмущенно надула губы и уперла руки в бока:

— Ты вообще мимо ушей все пропустил, да?!

— Не переживай, — по-доброму усмехнулся А-Эр, качнув головой. — Меня не так-то просто отправить на тот свет.

В глубине души ему действительно было безразлично, какие чувства питали к нему окружающие. Даже резкие слова А-Си о мимолетной ненависти не оставили на его сердце и царапины; единственное, о чем он искренне сожалел, так это о том, что не отыскал несчастную девчушку гораздо раньше.

А-Си обреченно вздохнула, понимая, что бьется головой о стену.

— Вот именно в этой твоей черте и кроется главная беда... Запомни мои слова: если продолжишь вести себя так же, придет день, когда ты сам до глубины души возненавидишь кого-то из них.

Лишь с приходом первых зимних холодов они с Сатору вернулись к тому неоконченному разговору.

Они расположились в личных покоях Годзё. Едва рассеялись первые минуты неловкого молчания, как А-Эр отставил в сторону чашку с чаем и заговорил совершенно серьезно:

— Я принял решение.

— Вот как? — Сатору лениво прищурился, проявив легкий интерес.

— Я намерен полностью переписать устои этого мира, — твердо произнес А-Эр, глядя прямо в бездонные глаза собеседника. — Я уничтожу саму концепцию проклятой энергии под корень. На этой земле больше никогда не будет ни магов, ни проклятий.

<http://bllate.org/book/18335/1760499>